

Власть, политика, нравственность: проблема взаимодействия*

Г. П. ХОРИНА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируются трактовки власти, политики, нравственности мыслителей Востока и Запада в исторической ретроспективе. Показывается современное решение проблемы взаимодействия власти, политики и нравственности.

Ключевые слова: власть, государство, нравственность, мораль, общечеловеческие нормы, насилие, справедливость, долг, ложь.

Прежде чем решать проблему власти и политики, с одной стороны, нравственности — с другой, необходимо ответить на вопрос: существуют ли объективные основания для их взаимодействия?

На этот вопрос следует дать положительный ответ. Во-первых, власть, политика и нравственность — элементы общества как системы, и уже в силу этого они взаимодействуют между собой, как и с другими структурными подразделениями общества. Во-вторых, их историческое предназначение состоит в регулировании общественной жизни, общественных отношений, что также предполагает их взаимодействие. В-третьих, нравственные нормы являются основой реализации властью конкретных функций, связанных с законодательной деятельностью, выстраиванием международных отношений и т. п. В-четвертых, субъекты власти и политики, конкретные индивиды действуют в обществе и с необходимостью испытывают влияние существующих в нем норм нравственности.

По мере развития общества складывались и обогащались правила, нормы человеческого общения. Поэтому в Древнем Китае, например, Конфуций и его последователи, рассуждая о деятельности властителей, связывали ее с существовавшими тогда представлениями о морали, следование которым считалось важнейшим условием успеха.

С тех пор проблема взаимодействия власти, политики и нравственности не снимается с повестки дня. Однако в течение длительного времени эта проблема не получила должного решения, поскольку взаимодействие власти

с нравственностью ставилось в зависимость от моральных качеств конкретного субъекта власти.

В отличие от Конфуция мыслители ранне-европейского и более позднего времени, исследуя проблему связи морали и политики, неизменно подчеркивали их несовпадение.

Средневековая мысль говорит о подчинении морали и политики (Августин, М. Лютер). К началу Нового времени в отношениях между моралью и политикой намечается разрыв. Его связывают с понятием государственной выгоды (интереса) и с именем известного итальянского общественного деятеля и мыслителя Н. Макиавелли.

По его убеждению (работа «Государь»), социально-политический строй не зависит от морали и религии. Теоретическое рассмотрение политики также освобождено у него от морали. Она (политика) имеет самостоятельный характер.

Таким образом, уже на рубеже XV–XVI вв. сложились противоположные подходы к пониманию связи власти, политики и нравственности. Однако внимание к этой проблеме не ослабевает и в последующее время.

Вопрос о том, связаны ли политика и нравственность, своеобразно рассматривал один из выдающихся представителей французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо. Добрые нравы, по его мнению, содействуют прочности государства, роскошь и добрые нравы несовместимы. «Древние политики беспрестанно говорили о нравах и добродетели; наши говорят лишь о торговле и деньгах. Пусть же наши политики... раз и навсегда поймут, — писал он, — что

* Статья написана при поддержке РГНФ (грант № 12-03-00542а).

с деньгами можно добыть все, — кроме добрых нравов и граждан» (Руссо, 1908: 41–43). Таким образом, Руссо выступает за совмещение политики и нравственности.

Немецкий идеализм исходя из допущения о государственной выгоде гипостазировал государство в образе нравственности. В «Философии права» Гегель упоминал о том, что ранее активное обсуждение противоположности морали и политики формировало требование соответствия второго первому. «Мнение о мнимой несправедливости, согласно которой политике следует всегда пребывать в состоянии мнимой противоположности морали, покоится... на поверхностном представлении о моральности, о природе государства и его отношении к моральным воззрениям», — писал он (Гегель, 1990: 337).

Иное решение проблемы содержится в марксизме, который отвергает абстрактный, внеисторический подход к моральному фактору, утверждает, что нет вечной и неизменной морали. Она всегда исторически конкретна. В классовом обществе нравственность носит классовый характер, а мораль господствующего класса, как правило, занимает господствующее положение. Поскольку буржуазный строй неизбежно связан с эксплуатацией человека человеком, то власть, защищая такой порядок, не взаимодействует с моралью.

Однако в марксизме, как нам представляется, в понимании взаимодействия морали и политики наблюдается гипертрофированный классовый подход, недостаточно учитывается, что существуют общечеловеческие нормы (не убий, не укради и др.), сформировавшиеся еще до появления классов. Соблюдение этих норм — условие нормального человеческого общежития. С появлением классов, государства и права эти нормы получают закрепление в законах, объявленных обязательными для исполнения всеми, включая причастных к принятию политических решений. В эпоху Возрождения к общечеловеческим нормам морали прибавился гуманизм.

На наш взгляд, в марксизме чрезмерно противопоставляются интересы господствующего класса и остальной части населения. При та-

ком подходе затрудняется решение вопроса о взаимодействии власти, политики и морали.

Для адекватного решения проблемы нужно учитывать наличие некоторых общих моментов национальной культуры, традиций, не говоря уже о языке, необходимость их защиты, сохранения самобытности страны, ее самостоятельности. Это создает известные предпосылки для использования идеи единства интересов даже в условиях социально-классовой дифференциации. Иными словами, в каждом конкретном обществе есть не только групповые, но и общие национальные, государственные интересы. Идеологи буржуазии умело используют это обстоятельство, хотя приоритетными, конечно же, являются интересы того класса, который находится у власти.

Политика властей, направленная на решение общенациональных задач, соответствует интересам всего общества, и ее можно считать взаимодействующей с моралью.

Вернемся к вопросу об общечеловеческих нормах морали. К ним мы можем отнести справедливость, доброту, сострадание, взаимопомощь и др. Прочность и эффективность этих элементарных правил в поведении людей — одно из свидетельств духовного здоровья народа, уровня его культуры. В отдельных случаях выполнение элементарных общечеловеческих моральных норм превращается в подвиг, в поступок героический. Спасти тонущего ребенка, вынести из горящего здания престарелого — все это требование общечеловеческие, а не нормы какого-то отдельного класса. Случается и так, что следование общечеловеческим нормам морали, совершение подвига растягивается на всю жизнь, составляет биографию человека. В качестве примера можно назвать имя известного гуманиста врача А. Швейцера, построившего больницу в африканском городе Ламбарене (Габон). Он всю свою энергию, всю свою жизнь посвятил спасению больных африканцев. Или польский педагог Я. Корчак, имя которого стало легендой гуманистического служения людям. В созданном им «Доме сирот» в Варшаве в обстановке сказок, посредством детского самоуправления Я. Корчак хотел развить мир ребенка с его своеобразной психологией и мироощущени-

ем, оградить этот мир от жестокого мира взрослых. Он погиб вместе с детьми варшавского гетто в Трешлинке. Корчак знал о предстоящей гибели детей, мог бежать, спастись; знал, что его гибель не избавляла от смерти ни одного ребенка, но он остался верен тому детскому миру, который сам строил, до последней минуты он оставался с детьми. Говорят, гитлеровцы нашли его в газовой камере Трешлинки с прижавшимися к нему малышами, которых он обнимал. Великий моральный подвиг таких людей, как Я. Корчак, имеет непреходящее значение для нравственного развития человечества. Силой своего примера они возвращают, таким образом, нравственным понятиям, как добро, долг, любовь, их основное, недвусмысленное значение (Титаренко, 1969: 102–103).

Некоторые мыслители Запада заметили, что простые общезначимые правила человеческого общежития заметнее в сферах общественной жизни, более отдаленных от политики, — в быту, семейной жизни, в области этикета и т. п. Подходя к сфере политики с меркой абсолютизированных общечеловеческих моральных норм, они испытывают разочарование и пессимизм.

По мнению П. Сорокина и У. Ландена, именно область семейных, приятельских отношений оставляет больше всего надежд на нравственное переустройство общества и самого человека. «Сила любви, лежащая в основе бытия, должна привести к разрешению всех животрепещущих социально-политических проблем», — пишут они (Sorokin, Lunden, 1959: 153).

Конечно, это не более чем иллюзия, ибо переустройство общественной жизни осуществляется в наше время на основе политических решений и столкновения интересов, но не морализаторства.

Проблема взаимодействия власти, политики и нравственности вскоре после Второй мировой войны приобрела актуальное значение в странах Запада в связи с наличием атомного оружия, холодной войной и появлением «горячих точек». Широкое распространение в среде ученых получили пессимистические настроения. Высказывалось мнение, что чело-

вечество якобы окончательно запуталось и стоит накануне массового истребления, возможной гибели цивилизации. Как образно говорил известный английский историк А. Тойнби, человечество имело больше шансов выжить, когда было беззащитно от саблезубых тигров, чем теперь, когда оно беззащитно от самого себя.

Немало западных ученых-обществоведов констатировали аморализм, бездушие, антигуманную направленность в политике государств Запада. Их взгляды невольно обращались к морали, и это понятно, ибо направленность исторического развития неотделима от внутреннего, и прежде всего морального, развития человека.

И тогда встал вопрос: если в сложившейся в мире ситуации, жесткой политической борьбе люди потеряли инстинкт самосохранения, то не может ли мораль заменить этот инстинкт? Ответы на этот вопрос предлагались разные. Анализируя тяжелые для народов периоды и события в XX в., указывая на изобретение ядерного оружия, способного убить все живое на земле, американский философ и историк У. Вэгар писал: «Перед этой судьбой человек оказывается совершенно беспомощным» (Wagar, 1963: 3). По его мнению, все это говорит о моральном крахе современной цивилизации. На нравственность нет надежды — она сама находится в состоянии разложения и упадка.

Многие западные мыслители разделяли известное мнение английского философа Б. Рассела о том, что современный человек, несмотря на все успехи науки и техники, в моральном отношении не поднялся над уровнем пещерного человека. И даже те теоретики, которые признавали известный нравственный прогресс человека и человечества, приходили к скептическому выводу о том, что независимо от того, есть прогресс или нет, — это не так уж важно, раз моральный фактор сам оказывается беззащитным перед бездумной, дегуманизирующей политической практикой. При этом пессимистично или с некоторой долей оптимизма настроенные мыслители-обществоведы Запада признают неразрешимым конфликт, разрыв между моралью и политикой и считают его вечным.

Существенной чертой современного мира является значительный рост насилия. И ныне сохраняют свое значение принадлежащие известному английскому философу К. Попперу слова: «Сегодня в мире больше насилия и применения грубой силы», чем в любое другое «мирное десятилетие» (Popper, 1963: 355).

Разгул террора, локальные войны, грубое вмешательство, в том числе с применением военной силы, во внутренние дела других государств — со стороны США, ряда других государств, прежде всего европейских, — позволяет утверждать, что, по существу, идет третья мировая война в специфических формах. А лежащая в ее основе политика ряда государств, деятельность организаций, финансирующих терроризм, не имеют ничего общего с моралью. Вместе с тем взаимодействующей с нравственностью следует считать борьбу против терроризма.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты деятельности власти, политики с точки зрения того, какие принципы, нормы должны лежать в их основе для взаимодействия с моралью.

Один из таких принципов — справедливость. Это понятие о должном, связанное с исторически изменяющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Оно содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих отношениях оценивается как несправедливость (Советский энциклопедический словарь, 1982: 1270).

Деятельность власти, ее политика, конкретные решения непременно должны соответствовать понятию справедливости. Это правило представляется обязательным для всех ветвей и уровней власти и руководителей. Отступление от него порождает недовольство, напряжение в отношениях между управляющими и управляемыми, руководителями и руководимыми, начальниками и подчиненными, создает ненормальную морально-психологическую атмосферу не только в трудовых коллективах, но и в обществе в целом. Чрезмер-

ное и в короткий срок обогащение группы людей в России, ставших олигархами, продажа по крайне заниженной, бросовой цене промышленных и иных предприятий и даже природных ресурсов, с одной стороны; обнищание большинства населения в 90-е годы прошлого века, с другой стороны, были крайне несправедливыми, вызвали массовое недовольство, неудовлетворенность властью, снижение престижа президента Б. Н. Ельцина и вынужденный его досрочный уход. Пришедшая в начале XXI в. новая власть сохранила несправедливость в распределении народного богатства, поэтому у многих людей и теперь сохраняется чувство неудовлетворенности, своеобразный психологический груз. Неудовлетворенность вызывают несправедливая оплата труда, низкие пенсии, стипендии. Современная ситуация в России требует нравственного реформирования всех сфер жизни общества, возвращения к принципам социальной справедливости.

Особо следует указать на деятельность судов — несправедливость здесь может быть связана с заключением под стражу на длительный срок невиновного человека или, напротив, с неадекватным наказанием за серьезное преступление.

Одна из важнейших проблем во взаимодействии политики и морали — проблема насилия. Как мы уже выяснили, пока существует государство — насилие неизбежно, и в борьбе с преступностью, терроризмом оно взаимодействует с моралью, поскольку с необходимостью направлено против меньшинства в интересах большинства. При этом насилие должно соответствовать нормам закона. Насилие, находящееся за пределами правового поля, аморально и даже противоправно, преступно. Но иногда складывается положение, когда политик оказывается перед дилеммой: либо принимать жесткие и непопулярные меры, не взаимодействующие с моралью, либо не делать этого — и последствия усугубят ситуацию. Позитивный результат от непопулярных мер делает эти меры оправданными, и с этой точки зрения — взаимодействующими с моралью.

В соотношении морали и политики существует проблема целей и средств. Должно ли

быть соответствие цели и средств или для достижения цели любые средства оправданы? Эта проблема приобретает особое значение, когда речь идет о насилии. Можно ли совсем отказаться от насилия, терпеть худшие виды зла? Ответ должен быть отрицательный. Насилие возможно и даже необходимо как ответ на насилие, как средство самообороны. Возможно и военное насилие как ответ на насилие со стороны государства-агрессора. В этих случаях насилие взаимодействует с моралью. Однако использование оружия массового уничтожения людей нельзя считать нравственным, поскольку оно подрывает естественные предпосылки существования жизни на Земле, и оно подлежит безусловному уничтожению. Но есть и иная точка зрения, не связанная с использованием такого оружия в войне, — его существование имеет эффект устрашения и минимизации опасности войны.

Взаимоотношение морали, власти и политики имеет внутри себя и такую проблему, как долг в политике. В сфере морали следование долгу означает соответствие политики высшим критериям нравственности. Но долг в политике — получение желаемых результатов, поэтому возникает коллизия в духе Макиавелли, когда ставится целью достижение результатов даже безнравственными средствами. С другой стороны, следуя нравственному долгу, можно не добиться желаемых результатов или получить ненравственные результаты — как следствие неисполнения политического долга. Правитель обычно выбирает политику и получаемый необходимый результат — и тогда его действие оцениваются как взаимодействующее с моралью. Именно к такому выводу пришел Макиавелли. Политик стремится освободиться от влияния морали и ищет оправдания отступлению от критериев подлинной моральности.

С точки зрения морали в политике исключается ложь, обман. Власть различных уровней должна говорить только правду. Однако история складывалась так, что властители, да и политические мыслители считали допустимой ложь во имя укрепления существующей системы, т. е. ложь во благо. Известный госу-

дарственный деятель, объединивший немецкие земли в единое германское государство, О. Бисмарк как-то обронил фразу: «Политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях — перед выборами, во время войны и после охоты». Можно не сомневаться в том, что и такие мудрые государственные деятели, как У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Ж. де Голль, преследуя высшие интересы государства, прибегали к обману, искажению фактов.

С точки зрения категорий сознательного и бессознательного ложь в политике бывает разная. Покажем это на конкретных примерах. Бывает ложь, на которую политики идут сознательно. Черчилль, например, выступая вскоре после окончания Второй мировой войны в Фултоне (США), сознательно лгал, заявляя о том, что СССР представляет серьезную опасность для Запада.

Сознательно лжив был лозунг «Больше социализма», провозглашенный М. С. Горбачевым во времена перестройки. Об этом открыто заявил в одном интервью бывший секретарь ЦК КПСС А. Яковлев. Такая позиция людей, находившихся на вершине политического олимпа, аморальна, безнравственна.

Бывает ложь неосознанная — как результат неадекватной оценки социальной реальности и возможностей ее развития. Хотелось бы верить, что к такого рода обману относится заявление первого Президента России Б. Н. Ельцина о том, что экономический кризис будет преодолен за два-три года, и жизнь людей существенно улучшится. После он сам признал, что надеждам такого рода не суждено было сбыться.

Ложь во благо может побудить власть принять решения и осуществить действия, никакой связи с моралью не имеющие. Подтвердим эту мысль конкретным примером. В 1995 г. из Ирака в Германию сбежал инженер-химик Рафид Ахмед аль Джанаби. С ним стала работать разведка, и он сообщил, что лично наблюдал иракские «мобильные носители биооружия», знает о заводах биооружия, о грузовиках, перевозящих биооружие, и о 12 несчастных, которые погибли на одном из таких заводов. Для перепроверки разведка разыскала начальника беглеца, который заявил, что вся информация

Джаноби — сплошная ложь, с чем последний согласился. Семь лет спустя, т. е. в 2002 г., немецкая разведка сама связывается с Джаноби и требует, чтобы он продолжал излагать свою версию про химзавод, грузовики и жертвы. Джаноби понял, что его версия независимо от ее справедливости кем-то востребована. Для кого-то ложь Джаноби оказалась политически целесообразной. Нетрудно догадаться, что версия Джаноби стала известна американской разведке и президенту страны. А в 2003 г. американцы вторгаются в Ирак. Джаноби признается журналистам одной из газет: «Мне представился случай сфабриковать кое-что, что могло свалить режим Саддама. Мы — мои сыновья и я — гордимся, что благодаря нам Ирак получил зачатки демократии» (Ганопольский, 2011: Электр. ресурс).

Таким образом, начало войны в Ираке основано на лжи. В Багдаде гремят взрывы и сегодня, более трех тысяч американцев сложили голову в этой войне, а конца ей не видно. Тесно связана с ложью современная политика, проводимая США по отношению к Сирии.

Итак, государство, его политика хотя и не всегда, но взаимодействует с моралью. Политика власти как явление общественной жизни по самой своей природе предполагает ее одобрение или осуждение, выбор или отклонение, т. е. оценку членами общества с морально-этической точки зрения.

В этой связи нельзя согласиться с крайностями, когда, с одной стороны, утверждается, что мораль несовместима с политикой, последняя должна носить чисто прагматический характер, а с другой стороны — преувеличивается влияние морали на политику. Истина, как это нередко бывает, находится посередине — мораль и политика пересекаются, и реальный политик должен находить форму деятельности, оптимальную с точки зрения взаимодействия морали и политики и с учетом конкретной ситуации.

Можно согласиться с К. С. Гаджиевым в том, что в политике — внешней политике особенно — приоритет принадлежит не морально-этическим или идеологическим принципам и суждениям, а реалистичным и взвешенным оценкам и решениям. Вместе с тем было бы другой

крайностью абсолютное противопоставление морали и политики. Политика не может полностью игнорировать морально-этические критерии и принципы. Существует комплекс вопросов, таких как рабство, геноцид, терроризм, пытки, расизм и др., оценка которых невозможна без морально-этических измерений. В целом же в данной сфере, как говорится, нравственность уместна в том смысле, который то или иное государство вкладывает в свою идею национального интереса и лежащий в его основе национальный идеал. Приходится признать, подчеркивает К. С. Гаджиев, что здесь антиномия соотношения между этикой и конкретным политическим курсом, направленным на защиту национальных интересов и обеспечение национальной безопасности, остается неразрешимой (Гаджиев, 2008: 23).

Невозможно сформулировать какие-то общие для всех государств и на все времена принципы взаимодействия политики и морали во внутренней и внешней политике, ибо нередко возникают непредвиденные ситуации, требующие политических решений, которые также нередко принимаются без оглядки на морально-этические принципы, на первый план выдвигается государственный интерес.

Для более полной, комплексной и адекватной оценки необходимы критерии, т. е. набор выражаемых в понятиях свойств, признаков, которые должны быть присущи политике, взаимодействующей с моралью. Несоответствие всем или отдельным критериям означает, что политика полностью и какими-либо своими сторонами не взаимодействует с моралью.

При этом следует учитывать, что существует много народов, наций и этносов, объединенных в государства, и поэтому вряд ли возможны единые для всех критерии оценки взаимодействия власти, политики, нравственности. Мы попытаемся сформулировать некоторые из них, имея в виду прежде всего современные демократические государства.

1. Служение власти политиками большинству членов общества, выработка и реализация политики, соответствующей интересам большинства и направленной на рост его материального благосостояния, на создание и под-

держание здоровой нравственно-психологической атмосферы в обществе. В качестве примера с обратным знаком следует называть так называемые реформы в России в 1990-е годы.

2. Справедливость решений и действий. Этот критерий особенно значим в России, учитывая особенности менталитета, в частности, русских людей: они не завидуют богатству, но их сильно возмущает несправедливость.

3. Правдивость, исключение лжи, честность, открытость политики. Народ должен знать правду о действительных намерениях власти и ее практической деятельности.

4. Надлежащее исполнение долга с учетом существующих в обществе нравственных и правовых норм.

5. Соответствие формируемых властью целей и средств их достижения моральным нормам.

6. Использование насилия в пределах необходимости, справедливости и на легитимной законной основе. Энергичное использование насильственных и иных средств в борьбе против преступников, террористов, других антиобщественных элементов. Поддержание общественного порядка, обеспечение безопасности граждан.

7. В многонациональном государстве — формирование толерантности, уважительного отношения к культуре различных наций. В России — восстановление в немалой степени утраченной существовавшей в советское время дружбы народов.

8. Забота о защите национальных интересов страны, поддержание вооруженных сил в состоянии, способном обеспечить ее безопасность, что ныне актуально, в частности, для России.

9. Строгое соблюдение норм международного права в отношениях с другими государствами. Способность политиков искать и находить компромиссы, взаимовыгодные решения с учетом возможностей. Исключение вмешательства во внутренние дела других государств в любой форме.

10. Безвозмездная помощь другим государствам в чрезвычайных ситуациях (землетрясения, пожары, наводнения и пр.) по просьбе их правительств, а также гуманитарная помощь.

Таковы, на наш взгляд, наиболее значимые критерии, в соответствии с которыми деятельность власти, ее внутренняя и внешняя политика могут оцениваться как взаимодействующие с нравственностью. К сожалению, такое соответствие бывает далеко не всегда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаджиев, К. С. (2008) Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. № 5. С. 14–31.

Гананольский, М. (2011) В Багдаде не все спокойно [Электр. ресурс] // Московский комсомолец. № 25578. 25 февраля. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/02/24/568239-v-bagdade-ne-vse-sпокойно.html> [архивировано в Web Cite] (дата обращения: 12.08.2013).

Гегель, Г. В. Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль.

Руссо, Ж.-Ж. (1908) О влиянии наук на нравы / пер. Б. Княжицкого; предисл. Н. И. Кареева; под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Светоч.

Советский энциклопедический словарь (1982) / председ. научно-ред. совета А. М. Прохоров; [редкол.: С. Р. Гершберг и др.]. М.: Советская энциклопедия.

Титаренко, А. И. (1969) Мораль и политика: Критические очерки современных представлений о соотношении морали и политики в буржуазной социологии. М.: Политиздат.

Popper, K. (1963) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. L.: Routledge & K. Paul.

Sorokin, P. A., Lunden, W. A. (1959) *Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians?* Boston, MA: Porter Sargent Publishers.

Wagar, W. W. (1963) *The City of Man: Prophecies of a World Civilization in Twentieth-Century Thought*. Boston, MA: Houghton Mifflin.

Дата поступления: 15.08.2013 г.

POWER, POLITICS, MORALITY: THE PROBLEM OF INTERACTION

G. P. Khorina
(Moscow University for the Humanities)

The article analyzes various interpretations of power, politics, and morality proposed by the thinkers of the East and the West in the historical retrospective. The author presents a modern solution to the problem of the interaction between power, politics, and morality.

Keywords: power, state, morality, universal norms, violence, justice, duty, deceit.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Gadzhiev, K. S. (2008) Zametki o metamorfozakh liberal'nykh tsennostei // Voprosy filosofii. № 5. S. 14–31.
- Ganapol'skii, M. (2011) V Bagdade ne vse spokojno [Elektr. resurs] // Moskovskii komsomol'skiy zhurnal. № 25578. 25 fevralia. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/02/24/568239-v-bagdade-ne-vse-spokoyno.html> [arkhivirovano v WebCite] (data obrashcheniia: 12.08.2013).
- Gegel', G. V. F. (1990) Filosofii prava. M. : Mysl'.
- Russo, Zh.-Zh. (1908) O vliianii nauk na nrvy / per. B. Kniazhitskogo ; predisl. N. I. Kareeva ; pod red. S. A. Vengerova. SPb. : Svetoch.
- Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (1982) / predsed. nauchno-red. soveta A. M. Prokhorov ; [redkoll.: S. R. Gershberg i dr.]. M. : Sovetskaia entsiklopediia.
- Titarenko, A. I. (1969) Moral' i politika : Kriticheskie ocherki sovremennykh predstavlenii o sootnoshenii morali i politiki v burzhuaznoi sotsiologii. M. : Politizdat.
- Popper, K. (1963) Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. L. : Routledge & K. Paul.
- Sorokin, P. A., Lunden, W. A. (1959) Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? Boston, MA : Porter Sargent Publishers.
- Wagar, W. W. (1963) The City of Man: Prophecies of a World Civilization in Twentieth-Century Thought. Boston, MA : Houghton Mifflin.